

Ядвига Полонска

Марина
Мнишек

УДК 821.133.1
ББК 85.3-8
П52

Ядвига Полонска

П52 Марина Мнишек. Тайна чёрной царицы / Ядвига
Полонска. — М. : РИПОЛ классик / T8RUGRAM. — 256 с.

ISBN 978-5-519-62088-8

Марина Мнишек — единственная женщина, коронованная в России до Екатерины I. Имя этой русской царицы, которая пребывала на престоле всего лишь девять дней, окутано тайной. Её жизнь и судьба тесно переплетены с колдовством, а смерть породила множество легенд. Марина пережила нелёгкий путь к престолу, изгнание, гибель обоих мужей — Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, казнь сына. Её не любили ни в Москве, ни на родине в Польше, где за женщиной закрепилась слава чернокнижницы.

Что же сподвигло молодую и красивую женщину продолжать борьбу за трон после свержения с престола? — жажда всенародной любви, царской власти и несметных богатств, или её интересовали исключительно секреты чёрной магии, хранившиеся в Библиотеке Ивана Грозного?

Эта увлекательная книга, основанная на исторических фактах, раскроет тайны легендарной царицы и переместит читателя в незабываемую атмосферу Средневековья.

УДК 821.133.1
ББК 85.3-8
BIC FV
BISAC FIC014000

ISBN 978-5-519-62088-8

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

© T8RUGRAM, оформление, 2017

Оглавление

Глава 1. Я изменю свою судьбу!	5
Глава 2. Московский самозванец.....	45
Глава 3. План захвата	71
Глава 4. Алчная вошь.....	81
Глава 5. Корень мандрагоры.....	93
Глава 6. Волшебный меч Гаваона	101
Глава 7. Пророчество Медузы Горгоны	113
Глава 8. Коварный план.....	125
Глава 9. Появление соперницы	135
Глава 10. Венчание.....	155
Глава 11. Коронация	173
Глава 12. Если Господь хочет наказать человека, то лишает его разума... ..	187
Глава 13. Поцелованная Богом	199
Глава 14. Черная вдова.....	219
Глава 15. Расплата за тайное знание.....	229
Глава 16. Проклятие рода Романовых.....	235
Глава 17. Царица всего мира.....	243

Глава 1
Я изменю свою судьбу!

— Я полечу высоко-высоко! — закричал малыш и засмеялся. Он высунул личико из теплого мужицкого тулупа, и улыбнулся.

— Дядя, а где мама? — спросил мальчик.

— Она едет сюда, — палач улыбнулся и медленно погладил ребенка по русым волосам.

Забившие площадь люди молча смотрели как через пару минут палач поднял с промерзшей мокрой земли толстый канат.

— Возьми его, Кирилл, у меня руки заняты! Ишь сам петлю надень! Слышь, что говорю-то? — прикрикнул на напарника Никола, пытаясь удержать в одной руке четырехлетнего мальчика, укутанного в тулуп, а другой удобно прихватить петлю.

Второй палач распахнул тулуп и взял на руки мальчика, одетого в одну ночную рубашку.

— Что ж тебе, маленькому, даже одеться не дали, нехристи? — проворчал он, и бросил взгляд на царские палаты за кремлевской стеной.

Ребенок удивленно оглянулся. Вокруг стояли тысячи людей. Он долго смотрел на площадь, заполненную толпой, на башни с бойницами, храм с расписными куполами-луковицами, блестящими от осеннего дождя, на острые пики стражников, окровавленную плаху рядом с виселицами, тяжелые топоры, покрытые скользким слоем бурой густой крови. Непонимающим взглядом малыш несколько мгновений следил за тем, как накрытые тела казненных тащат к большой телеге, заметил торчащий из-под мешковины сапог, и перестал улыбаться. Подняв взгляд к лицу Кирилла и увидев, что тот смотрит на царские палаты, он повернул свою маленькую головку в сторону Кремля.

Мальчик увидел, как у одного из распахнутых окон стоял юноша. А рядом с ним — монахиня. Он посмотрел на Кирилла и прошептал: «А мама?».

Но, Кирилл настолько был погружен в свои мысли, что не расслышал вопроса.

— Чего тянешь?! Застудить ребятенка решил? — прикрикнул на напарника Никола, поднося петлю к голове мальчика.

— Монахиня... Разве ж истинная монахиня не заступилась бы за ребятенка? Упекла бы его в темницу на веки вечные, что ли. Зачем казнить-то душу ангельскую? — Кирилл оторвал ребенка от груди и на прямых руках протянул Николе. — Где ты видел таких монахинь, чтоб поставив сына на престол царский, младенцев четырех лет отроду на виселицу посылали? То — не монахиня, а служка бесовская.

— Язык-то закуси? — сквозь зубы процедил Никола.

Ему также как и Кириллу, до того не приходилось казнить детей, и он хорошо понимал друга, но сдерживался. Площадь была полна стражниками и царскими наушниками. Он продел голову мальчика в петлю и, не удержавшись, тайком бросил взгляд на палаты.

— Это что? — мальчик почувствовал, как тяжелый холодный колючий канат опустился на плечи.

— Веревочка. Она тебя держать будет, чтобы ты далеко не улетел.

— Мне холодно!

— Сейчас согреешься, — ответил Кирилл. — Тебе тулупчик дадут с сапожками.

На площади слышались крики и женский плач.

— А мама где? Они что — плачут?

— Вон она — у храма, тулуп тебе несет и игрушки. А бабы-то не плачут, у них от холода глаза слезятся, — ответил Кирилл.

— Не затынется она на нем, — сказал Никола.

Кирилл поставил мальчика голыми ножками на толстое бревно, которое специально приволокли, чтобы выбить из-под него.

— Ай, холодно! — заплакал ребенок.

Кирилл резко затянул узел и стал его сдавливать изо всех сил. Но веревка, рассчитанная на взрослого человека, не тягивалась на детской шее. Кому, как ни ему — царскому палачу — было понятно, какие страшные за мучения ждут мальчика. Потому, схватив своими крепкими руками петлю, он стал нажимать на нее, чтобы мальчик, если не умер сразу, то, хотя бы потерял сознание.

— Тяни! — сказал он Николе.

Детское тельце поднялось вверх.

Толпа замерла. В этой тишине, которая как будто застыла, было даже слышно, как падает снег. Снова послышались женские причитания.

Порыв холодного осеннего ветра обжег кожу ребенка под задравшейся рубашкой, и он задергался всем телом от холода и боли.

— Торопись, давай! Промерзнет же! — прикрикнул Никола, смотря, как ножки трехлетнего малыша беспомощно болтаются в воздухе.

Секунда. Две. Десять секунд. Минута. Вокруг стояла звенящая тишина — толпа, затаив дыхание, наблюдала за предсмертными конвульсиями неповинной души.

— Да, пожалейте же вы его! — вдруг во весь голос заорали бабы. — Ребятенка-то за что на такие муки обречь?!

— Отсеки голову, если уж не хотят миловать! — кричали палачам, возмущенные таким зверством мужики.

Кто-то бросил к Лобному месту тяжелое деревянное топориче, видимо, купленное перед казнью в торговых

рядах у площади. И тут же стражники начали теснить возмущенную, уже готовую вступить за ребенка толпу.

— Как приказано казнить, так и делают! Царская воля! — кричали толпе.

— Палач-то! Сам бездетный что ли?! — отвечали им.

— Почто палачей проклинаете? У них с Господом свой счет! — отвечали стражники.

— Ой! Ножки-то синие стали все! — заверещала какая-то баба на всю площадь и зарыдала.

Толкая локтями и древками копий всех без разбору, переругиваясь, солдаты за несколько минут все же усмирили людей.

Кирилл отошел от виселицы.

— Чего Никола? Неужто, за такие дела пощадит Господь царя-то нашего?

Тот лишь неодобрительно посмотрел на друга из-под густых бровей.

— Ты бы помолчал. Как бы самому вслед за воренком туда не попасть, — Никола кивнул на виселицу. — Ушей вокруг — вон сколько. Своих четверых не жалко — так хоть моих пожалей.

Кирилл посмотрел на виселицу и уже собрался что-то ответить, как заметил в небе большую черную птицу.

Над площадью раздалось пронзительное карканье. Огромный ворон поднялся вверх, разрывая воздух исполинскими крыльями, сделал круг над храмом, и камнем кинулся вниз — к виселице.

Толпа замолкла. Все, кто был на площади — стражники, приговоренные, простой люд, палачи, — ошеломленно наблюдали как птица, почти достигнув земли, снова взмыла над крышами домов, пролетев совсем рядом с умирающим на виселице ребенком, почти